

Ань Чанцин воспользовался случаем, завернулся в одеяло и откатился к самой стене, выставив наружу лишь поллица и искрящиеся смехом глаза:

— Не так тяжело, как князю.

Сяо Чжигэ не сразу понял, о чем речь, но, заметив его многозначительную ухмылку, догадался. Его кадык дернулся, он глубоко посмотрел на супруга и произнес:

— Вовсе не тяжело. Я пойду вылью воду.

С этими словами он поднял таз с водой. Шагал он по-прежнему твердо, но со стороны казалось, будто он с позором сбегает с поля боя.

Вылив воду и вернувшись, Сяо Чжигэ увидел, что Ань Чанцин всё еще ждет его. Как только он разулся и лег на кровать, юноша сам прижался к нему.

С тех пор как подтвердилась беременность, Сяо Чжигэ держал себя в строгих рамках. Когда становилось совсем неважно, он выходил во двор, отрабатывал пару комплексов ударов и лишь потом возвращался. Ань Чанцин вспомнил свой тайный расспрос и лукаво придвинулся еще ближе.

Дыхание Сяо Чжигэ слегка потяжелело. Он сдержанно надавил ему на плечо, не давая шевелиться.

Ань Чанцин надул щеки и тихо пробормотал:

— Лекарь Ху сказал, что после первых трех месяцев уже можно...

От этих слов у Сяо Чжигэ затрепетало сердце, но тут же пришла мысль: он ведь мужчина, его беременность отличается от женской. Не смея рисковать, князь сдержанно сжал губы, положил широкую ладонь ему на спину и крепко обнял, после чего хрипло приказал:

— Ни слова больше. Спи.

Задумка провалилась, Ань Чанцин поджал губы, уткнулся лицом в его грудь и в конце концов послушно уснул.

На следующий день Ань Чанцин отправился на прогулку в компании госпожи Юй и Ань Сяньйой. В Ецзине правила были строгими, и женщины из знатных семейств редко выходили из дома. Но в Яньчжоу не нужно было придерживаться таких условностей: при желании прогуляться можно было в любой момент.

В городе Яньчжоу стало куда оживленнее, чем в день приезда Ань Чанцина. Когда прекратились набеги бэйдийцев, лавки и уличные лотки снова открылись, отовсюду доносились зазывающие крики торговцев и шумные торги.

Раньше торговля не шла так бойко. Однако после того, как почти десять тысяч человек из армии «Байдин» сослали в Яньчжоу, население города резко выросло. К тому же эти переселенцы участвовали в укреплении городских стен и строительстве внешнего города, у каждого за душой водились медяки и зерно, а за всем необходимым они шли на городские рынки, отчего на улицах становилось всёлюднее.

Госпожа Юй и Ань Сяньюй отродясь не видывали подобного. До приезда они думали, что Яньчжоу — бесплодная и разоренная многолетними войнами глушь, и никак не ожидали увидеть столь бурную и процветающую жизнь. Это оказалось несравнимо лучше их худших опасений.

Ань Чанцин на ходу рассказывал им о местных обычаях и нравах Яньчжоу, Ань Сяньюй время от времени задавала вопросы — матери и детям никогда еще не было так легко и тепло друг с другом. Обойдя одну улицу, госпожа Юй немного устала, и Ань Чанцин привел их в чайную — попить чаю и послушать сказителя.

Едва трое гостей и двое охранников уселись, как сказитель звонко хлопнул деревянным брусом и чеканным голосом возгласил:

— В этот раз я поведаю вам о прошлых жизнях Бэйчжань-вана и ванфэй! Говорят, один из них был богом войны из Небесной обители, а другой — лисьим владыкой из царства демонов...

Слушатели взрывались овациями, раззадоренные и готовые впитывать каждое слово. Очевидно, новая история вызывала огромный интерес.

«!!!» Ань Чанцин едва не выплеснул чай, который еще не успел сглотнуть. Кое-как проглотив напиток, он густо покраснел от кашля.

Он широко распахнул глаза и уставился на двух охранников, выглядевших вполне невозмутимо, словно им всё давно было известно:

— Что это значит?

Госпожа Юй тоже выглядела изумленной, а вот Ань Сяньюй, вытянув шею, с восторженным любопытством вглядывалась вперед — они пришли поздно и заняли самый дальний столик в углу.

Кто же знал, что охранники отнесутся к этому с гордостью? Они пояснили Ань Чанцину:

— Говорят, из Ецзина пришло немало книжонок с историями. Жители Ецзина искренне любят князя и ванфэй, вот и сочинили множество сказаний в их честь. А наши яньчжоуские грамотеи, увидав такое, конечно же, не захотели уступать. Князь столько лет защищает Яньчжоу, а ванфэй искренне печется о благе народа — неужели жители Яньчжоу отстанут от Ецзина? Вот местные книжники и принялись писать новые истории во славу князя и ванфэй. Слышно даже, что помимо историй сотворили немало стихов!

Просто стихи не пользовались такой популярностью, как повести да выступления сказителей, потому и оставались в тени. Нынче же в чайных самый разгар увлечения историями о прошлых и нынешних жизнях князя и ванфэй. Стоит объявить выступление — яблоку негде упасть!

Даже неопытные новобранцы в военном лагере стали предметом зависти горожан: они ведь не только защищают родину, но и каждый день видят перед собой князя и ванфэй!

От автора:

Вставьте пропущенное слово # Сюнсюн: Я так хочу _____, но нельзя.

Ань Чанцин еще никогда не испытывал подобной неловкости. Он сидел в чайной и выпивал чашку за чашкой, пока госпожа Юй, Ань Сяньюй и двое охранников, вытянув шеи, с

увлечением слушали рассказ.

Он с полчаса слушал, как сказитель расписывал любовные перипетии и вражду бога войны и лисьего владыки, пока тот наконец не грохнул брусом по столу. Отпив чаю и подразнив любопытство слушателей, сказитель провозгласил:

— А вот что случилось дальше, вы узнаете в следующий раз! Жду всех почтенных зрителей завтра!

Рассказ оборвался на самом интересном месте. Гости разочарованно вздохнули и потихоньку начали расходиться. Столик Ань Чанцина находился в самом дальнем углу, поэтому его пока никто не заметил.

Ань Сяньйой заметила:

— А повести в Яньчжоу куда смелее и необычнее, чем в Ецзине. Недаром говорят, что нравы здесь гораздо свободнее.

— А какие повести ты еще читала? — Ань Чанцин с удивлением посмотрел на нее. Эта младшая сестра всегда отличалась кротостью и рассудительностью: дома она либо читала да упражнялась в каллиграфии, либо занималась рукоделием, крайне редко проявляя такую озорную живость. Ань Чанцин даже не подозревал, что она вообще читает повести.

Осознав, что сболтнула лишнее, Ань Сяньйой показала кончик языка, тут же приняла чинный вид и поторопила его:

— Уже поздно. Не пора ли нам возвращаться?

Услышав это, Ань Чанцин действительно отвлекся. Они гуляли уже больше половины дня, да и время близилось к ужину. Вся компания села в паланкины и отправилась в обратный путь.

В поместье Сяо Чжигэ уже вернулся и пил чай во дворе вместе с Ци Вэем, Се Лином и остальными. Завидев возвращение хозяев, Ци Вэй и другие поднялись, отдавая дань уважения.

Сяо Чжигэ и Ань Чанцин обменялись взглядами, не сказав ни слова. А вот Ци Вэй, заметивший позади Ань Сяньйой, мгновенно просиял. Покашляв, он с подчеркнутой солидностью сложил руки в приветствии:

— Наслышаны, что старая госпожа и барышня прибыли в Яньчжоу с визитом, и мы специально пришли засвидетельствовать свое почтение. Я — помощник генерала Яньчжоу Ци Вэй, происхожу из клана Ци из Болина, пока еще не...

Не успел он договорить, как Се Лин с улыбкой на лице со всей дуры наступил ему на ногу, обрывая фразу на полуслове. Ци Вэй недовольно сверкнул глазами, но продолжать не решился, ограничившись затаенно-обиженной улыбкой.

Все юноши были хороши собой, взгляды их лучились честностью, а манеры отличались почтением. Глядя на то, с каким уважением они к ней относятся, госпожа Юй понимала, что это благодаря Ань Чанцину и Сяо Чжигэ. Поразмыслив, она успокоилась и с улыбкой ответила на их приветствие.

Раз уж гости пришли, уйти без ужина они, конечно, не могли.

На кухне уже приготовили угощение. По правилам мужчины и женщины должны были сидеть за разными столами, однако среди гостей оказались лишь две женщины — госпожа Юй и Ань Сяньюй. К тому же в Яньчжоу было мало знатных семейств, и строгих правил здесь не придерживались. Посчитав, что им двоим будет слишком уныло сидеть отдельно, оба стола сдвинули в один.

Поскольку за столом присутствовали дамы, генералы, привыкшие бесплатно обедать у князя, поневоле стали вести себя куда сдержаннее и вежливее. Когда ужин закончился и госпожа Юй с Ань Сяньюй удалились в задние покои, Ци Вэй с облегчением перевел дух и, хитро потирая руки, подскочил к Ань Чанцину:

— Мы ведь все свои, так что скажу ванфэй без обиняков: помолвлена ли ваша сестрица?

Ань Чанцин обомлел, а затем, взглянув на выражение его лица, прищурился:

— Еще нет. А что?

Ци Вэй потер руки и хихикнул:

— Так это же замечательно! Он не женат, она не замужем — отчего бы нам не скрепить наши узы еще сильнее?..

Се Лин сзади дал ему пинка:

— Кто же сам заводит разговор о собственной свадьбе? Никаких приличий!

Ци Вэй пошатнулся и едва не загремел на пол. Удержавшись на ногах, он гневно обернулся:

— Ах ты, ханжа двуличная, корчащая из себя праведника! Поделом тебе, что жену найти не можешь! Я лишь навожу мостки с ванфэй. Если ванфэй даст согласие, я тут же напишу домой, чтобы подобрали сватов и прислали с предложением!

Видя, что разговор уходит совсем не туда, Ань Чанцин откашлялся. Впрочем, категорически отказываться он не стал:

— Сестра у меня всего одна, так что в вопросах брака придется считаться с ее мнением.

Если подумать, Ань Сяньюй действительно уже вошла в ту пору, когда пора выходить замуж — не будь расторжения помолвки, она давно бы уже состояла в браке. С тех пор как они с госпожой Юй переехали в усадьбу и жили обособленно, повседневные хлопоты обошли их стороной, но и брачный вопрос затянулся. Теперь, когда Ци Вэй сам завел об этом речь, Ань Чанцин осознал, что генералы из подчинения Сяо Чжигэ — отличные кандидаты.

Затаив эту мысль в душе, он не стал сразу давать обещаний. Ань Чанцин решил сначала посоветоваться с госпожой Юй, а затем узнать мнение самой Ань Сяньюй.